

человек, имевшая, например, 10 тыс. ливров годового дохода, платила всего 100 ливров этого единовременного налога. Но богатые подняли тем не менее отчаянный крик, тогда как Шометт, внесший предложение о налоге и на которого жирондисты были злы больше всех после Марата, говорил так: «Ничто не заставит меня изменить моих принципов, и с головой под ножом гильотины я все-таки скажу: «Бедные все сделали до сих пор; пора и богатым сделать что-нибудь в свою очередь». Я буду кричать, что пора сделать полезными, хотя бы и против их воли, всех эгоистов, всех молодых бездельников и дать отдых полезному и почтенному рабочему».

Жирондисты прониклись еще большей ненавистью к Коммуне за то, что она пустила мысль об этом налоге. Но легко представить себе ненависть, которую почувствовала к ней буржуазия, когда Камбон внес в Конвент 20 мая проект принудительного займа в 1 млрд., который он предлагал взыскать с богатых уже не в одном Париже, а во всей Франции, распределяя его приблизительно на таких же основаниях, как и налог Коммуны, но обещая выплатить со временем этот заем поступлениями в казну от продажи имений эмигрантов по мере их продажи. В условиях, переживаемых республикой, другого выхода не предвиделось; но защитники собственности готовы были на месте убить «горцев», поддерживавших мысль о таком налоге. В Конвенте в этот день едва не дошли до поголовной рукопашной схватки.

Если бы требовались еще какие-нибудь доказательства того, что ничего нельзя будет сделать для спасения революции, пока жирондисты будут оставаться в силе в Конвенте и обе партии будут парализовать друг друга, то прения о займе это доказали.

Но что особенно приводило в отчаяние парижский народ - это то, что с целью остановить революцию, которой самым ярким очагом был до сих пор Париж, жирондисты делали все, чтобы поднять департаменты против столицы; тут они не останавливались даже перед тем, что ради этого им приходилось идти рука об руку с роялистами. Лучше королевская власть, чем малейший шаг по направлению к социальной республике! Лучше залить Париж кровью, лучше скрыть проклятый город, чем допустить народ Парижа и его Коммуну до восстания, которое грозило бы буржуазной собственности! Тьер и Бордосское собрание 1871 г. имели, как видно, своих предшественников уже в 1793 г.

19 мая жирондисты по предложению Барера добились от Конвента назначения Комиссии двенадцати, которая должна была разобрать все решения, принятые Парижской коммуной, и эта Комиссия, составившаяся 21 мая, сразу стала главным органом правительства и реакции. Два дня спустя, 23-го, она уже выпустила приказ об аресте Эбера, товарища прокурора Коммуны, очень любимого народом за откровенно республиканский характер его газеты «Pere Duchesne», и Варле, любимца парижского бедного народа, «анархиста», могли бы мы сказать, для которого Конвент был не что иное, как «лавочка законов», и который проповедовал на улицах социальную революцию. Впрочем, этими арестами Комиссия двенадцати не думала удовольствоваться. Она хотела преследовать также и секции и потребовала, чтобы книги протоколов секций были ей представлены. Президента и секретаря секции Cite, отказавшихся представить свои книги, она велела арестовать. Борьба становилась борьбой на жизнь и смерть.

С своей стороны жирондист Инар, который был председателем Конвента в эту неделю, властолюбивый человек, послуживший в 1871 г. образцом для Тьера, еще усилил озлобление своими угрозами. Он грозил парижанам уничтожением Парижа, если бы они вздумали наложить руку на народное представительство. «Скоро станут искать на берегах Сены, действительно ли существовал Париж», - говорил он. И эти нелепые угрозы, слишком напоминавшие угрозы двора в 1791 г., доводили народное негодование до крайней степени. 26 мая во всех секциях шла драка между революционерами и жирондистами. Восстание было неизбежно, и Робеспьер, до тех пор советовавший не поднимать восстания, стал теперь на его сторону; вечером 26-го в Клубе якобинцев он говорил, что в случае надобности он один восстанет против заговорщиков и изменников, заседающих в Конвенте.

Уже 14 апреля 35 секций из 48 потребовали от Конвента исключения 22 представителей жирондистов, имена которых они давали в особом списке. Теперь секции решили восстать, чтобы заставить Конвент повиноваться этому желанию парижского населения.

XLVI ВОССТАНИЕ 31 МАЯ И 2 ИЮНЯ

Опять, как и перед 10 августа, народ сам подготовил восстание в своих секциях; Дантон, Робеспьер и Марат часто совещались между собой в эти дни, но они колебались, и действовать взялись